

ИРИНА ВИЛЬЕВНА ЛЬВОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
lirina_06@mail.ru

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Ф. РОТ:
ТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В РОМАНЕ Ф. РОТА «СЛУЧАЙ ПОРТНОГО»**

В статье исследуются особенности интерпретации темы преступления и наказания в романе «Случай Портного» Ф. Рота, а также использование иронии, травестиирования. Роман анализируется в контексте традиции «бунтарского» романа 1940–60-х годов. Показывается, как Рот развивает и в то же время пародирует эту традицию, в том числе и литературные источники, питавшие ее, включая творчество Достоевского.

Ключевые слова: американская литература, Ф. М. Достоевский, Ф. Рот, американская рецепция творчества Достоевского, преступление и наказание, пародирование, американский роман о подростке, роман поколения Бит

Статья посвящена особенностям рецепции творчества Ф. М. Достоевского одним из крупнейших современных американских писателей Ф. Ротом (р. 1933). В ней затрагивается один аспект этой проблемы – характер и специфика того диалога с Достоевским, который ведется в романе Рота «Случай Портного» (1969). Это самый известный роман американского писателя и самое значительное произведение раннего периода его творчества.

Воздействие Достоевского на Ф. Рота в 1950–60-е годы было существенно. Как признался писатель в интервью Вальтеру Мауро в 1974 году, в шестидесятые годы он «жил на дите Достоевского» [3; 87]. Источники этого влияния были разнообразными: сама культурная, интеллигентская атмосфера шестидесятых способствовала возникновению интереса к русскому писателю¹. Кроме того, Рот изучал и позже преподавал литературу и, безусловно, относился к Достоевскому и как профессиональный читатель – литературовед и критик.

Одна из важных проблем, которая интересовала Рота в шестидесятые годы, – проблема вины и наказания. Как отмечал писатель, список книг, которые он читал в этот период, можно было назвать «Исследование вины и наказания». Произведения Достоевского «Преступление и наказание», «Записки из подполья» входили в этот список.

Тема преступления и наказания является центральной в романе «Случай Портного», однако здесь она – предмет для комического переосмысливания. Сам Рот в интервью 1969 года заметил, что «озабоченность наказанием и виной смешна. Ужасна, но смешна.

<...> Нет ли чего-то нелепого и смешного в том, что Анна Каренина бросается под поезд?
<...> Пока я не понял, что вина – это идея комическая, я не почувствовал свободу для написания своей книги» [9; 21, 22].

Внутренняя перекличка Рота с Достоевским заключается, на наш взгляд, в новом, комическом преломлении темы преступления и наказания.

Главный герой произведения – исповедующийся психоаналитику Алекс Портной, разрывающийся между чувством вины и своеолицем², может быть назван «комическим Раскольниковым». Сходство героя с Раскольниковым отмечено уже первыми критиками романа. Об этом упоминает Б. Роджерс в монографии, посвященной творчеству Рота [7; 92]. Да и сам герой сравнивает себя с героем Достоевского.

Размышления Алекса Портного иногда звучат как парафраз монологов Раскольникова. Например, мысль Раскольникова о преступлении как проявлении свободы воли: «Тут одно только, одно: стоит только посметь. У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто никогда до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг стало ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единственный до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять и просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту!» [2; 321] – явно перекликается с рассуждениями Портного: «Урок, который я получил, чтобы нарушить закон: все, что ты должен сделать, – пойти и нарушить его! Все, что ты должен сделать, – перестать дрожать и трястись и считать это невозможным и невообразимым: все, что ты должен сделать, – сделать это!» [8; 87]. При этом в монологе Портного обыгрывается знаменитое сравнение человека с тварью дрожащей. Но рассуждения Портного звучат пародией на мысли Раскольникова. Если Раскольников размышляет о власти, которая обретается преступлением, то Портной всего лишь рассуждает о запрете есть лобстера. Таким образом, пафос, не соответствующий предмету размышлений, создает комический эффект.

Героя Рота роднит с героем Достоевского и преступное сознание. Они поставлены в одну и ту же ситуацию: они должны осмелиться нарушить закон, нормы морали. Алекс Портной следует за теми героями романов Достоевского, которые, сказав, что Бога нет, делают шаг к аморализму, к утверждению того, что все дозволено: «Черт побери, Софи, почему бы нам всем не попробовать? Потому что быть плохим, мама, это действительно настоящая борьба – быть плохим и наслаждаться этим!» [8; 138].

Можно сказать, что бунт обоих героев – нигилистический, но Рот показывает нигилистический бунт как комический.

Поступки Портного определяет этика игры: «Насмешка, подшучивание, игра, притворство – все для насмешки! Как я люблю это!» [8; 275]. Преступление и наказание есть часть той же игры, в которой участвует герой, и, безусловно, это игра литературная, о чем свидетельствует и сама форма романа.

«Случай Портного» – это еще один роман-исповедь. Для Рота Достоевский – великий предшественник саморазоблачений и самообви-

нений. По откровенности нелицеприятных признаний роман, безусловно, стоит в одном ряду с «Записками из подполья» Достоевского. Кроме установки на полную искренность исповедь героя Рота сближает с героями произведений Достоевского и повышенно эмоциональный тон, страсть, ироничность. Герои существуют на грани нервного срыва. Неслучайно особенностью стиля является нагнетание восклицательных предложений, риторических вопросов, глаголов, вводящих прямую речь: крикнул, взвизгнул, заплакал и т. д. Для исповеди Портного характерно использование длинных эмоциональных периодов: «Доктор Шпильфогель, это моя жизнь, моя единственная жизнь, я живу, как герой еврейского анекдота! Я тот сын из еврейского анекдота – только это не анекдот! Пожалуйста, скажите, кто нас так искалечил? Кто сделал нас нездоровыми, истеричными и слабыми? Доктор, как называется моя болезнь? Еврейское страдание, о котором я так много слышал? Доктор, у меня больше нет сил бояться неизвестно чего! Дайте мне мужества! Сделайте меня смелым! Сделайте меня сильным! Сделайте меня здоровым!» (Make me *whole!*) [8; 40]. Подобные же интонации характерны и для подпольного героя Достоевского: «У, скверность! Да и не в том главная-то скверность! тут есть что-то главное, гаже, подле! да, подле! И опять, опять надевать эту бесчестную скверную маску! Дойдя до этой мысли, я так и вспыхнул: “для чего бесчестную? Я говорил вчера искренно”» [1; 165].

Таким образом, исповедь Портного – это своеобразная пародия на популярный исповедальный жанр, источником которого стали и произведения Достоевского. И хотя внешне монолог Портного ориентирован на устное выскабывание, как и исповедь подпольного героя Достоевского, – эта исповедь литературна. Указанием на связь исповеди с традицией американской литературы пятидесятых годов служит сравнение монолога с воплем, который сразу встраивает его в ассоциативный ряд с «Воплем» А. Гинсберга (впрочем, как и с «Криком» Мунка), но если у тех крик – символ страдания, ужаса, то крик героя Рота вызван «комической несоразмерностью греха и наказания» [8; 309].

Следует заметить, что роман Рота продуктивно рассматривать в контексте развития американского романа о молодом герое-нонконформисте сороковых-шестидесятых годов XX века. Следуя терминологии американского исследователя Р. Поснока, эту разновидность романа можно назвать романом о «незрелости» [8; XII].

Роман Рота продолжает традицию «бунтарского» романа, представленного романом Бит, романом о подростке, и одновременно пародирует ее, в том числе и те литературные источники, которые питали этот роман, включая творчество Достоевского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А. Кейзин, известный американский литературовед и критик, одним из первых заговорил о влиянии Достоевского на формирование художественного виденья молодых писателей, пришедших в литературу в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов XX века: «Святой патрон этих писателей (имеется в виду Болдуин, Маламуд, Беллоу, С. Беллоу, Б. Маламуда, как и Рота, относили к новой американо-еврейской школе в американской литературе (a new school of American-Jewish fiction – И. Л.) – Достоевский» [5; 203].
- ² А. Фридман пишет, что это типичный образ еврея в литературе, так как «еврей остается культурным шизофреником» [4; 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. 407 с.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с.
3. Conversations with Philip Roth. Mississippi: University Press of Mississippi, 1992. 312 p.
4. Friedman A. Beyond Exodus and Still in the Wilderness // Philip Roth's Portnoy Complaint. Chelsea: Chelsea House, 2004. 225 p.
5. Kazin A. Contemporaries. Boston: Little Brown and Company, 1962. 513 p.
6. Posnock R. Philip Roth's Rude Truth. The Art of Immaturity. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2006. 301 p.
7. Rodgers B. Philip Roth. Boston: Twayne Publishers, 1978. 192 p.
8. Roth Ph. Portnoy's Complaint. N. Y.: Bantam, 1970. 274 p.
9. Roth Ph. Reading myself and others / Ph. Roth. N. Y.: Farrar, Straus and Gi-roux, 1975. 269 p.